

Я снова был в сарае, ремонтируя старый вентилятор GE тридцатых годов. Тканевый шнур требовал замены, и я довольно хорошо разобрал основание. В Афинах шла игра Джорджии, и Ларри Мансон вел трансляцию. Нам его не хватает. В любом случае, небо было лазурным, небольшие облака проносились мимо, влажность снизилась, легкий северный ветерок колыхал обезьянью траву на каменной дорожке у дома. Мои клены разрастались, а деревья груши Брэдфорд пылали. Это было идеальное время, пока листья не опали, тот момент, который запечатлевается в нашей памяти, когда мы знаем, что все в мире хорошо. Не жарко, не холодно, "Бульдоги" выигрывают вдесятером, а невысокая рыжеволосая девушка машет мне рукой, идя по каменной дорожке.

Смущение. Я был там один, у меня был свой день. Это было прекрасно. Тайм-аут. Голос Ларри затих, переходя на рекламу. Она быстрая. Затем группа возвращается, тарелки грохочут, рожки ревут, мы на их 42, формация T, мы пройдем.

Давайте вернемся в тот день, как это происходит. Все начинается около двух часов.

Она стоит у открытой двери, улыбается, идеально белые зубы обрамляют полные губы, никакой помады, она говорит. "Я постучала в дверь, услышала радио. Мы впереди?"

Я кивнул: "Да, на десять, мы собираемся забить снова, слушай..."

Конечно, по правой боковой линии, пас хороший, выбитый за пределы поля, но ТД. И толпа на стадионе Бобби Додда приходит в восторг. Затем, выходные были созданы для Michelob... потребуется несколько рекламных роликов, прежде чем мы вернемся. Я выключаю радио. Она уже внутри, осматривает мужские вещи на стенах, мои пинапы тракторов Oliver, вырванные из старых журналов Georgia RFD.

Она пристально смотрит на мои мускулистые предплечья, закатанные рукава, наполовину застегнутый рваный халат. У меня есть офис, но когда-то я играл в мяч и подрабатывал стивидором в доках. "Сломался?" спрашиваю я.

Она смотрит мне в лицо, на мои голубые глаза, на мои седеющие волосы. "Нет. У меня нет машины, вообще-то они меня подбросили. Мне нужно выполнить квоту, но дома не так много людей. Может быть, они на игре". Ее взгляд блуждает, пока она говорит, как будто обращаясь к стропилам, коллекции ручных дрелей и старой масляной лампе.

Я улыбаюсь. Ее лицо покраснелось. "Что я должна купить, чтобы помочь вам выполнить вашу квоту?" Я смотрю на ее алебастровое лицо, брызги веснушек на прямом слегка вздернутом носу. На ней тонкий кремовый свитер, который так и напрашивается на дальнейший осмотр. Возможно, она забыла кое-что из нижнего белья в спешке, чтобы успеть на работу сегодня.

"Подписки, "Популярная механика", "Швейный круг", "Жизнь мальчика", "Подросток", "Вог", "Ньюсуик", практически все. У меня тут есть список..."

Она отворачивается, чтобы изучить свою кожаную застежку с бахромой, удивленная тем, что кто-то спросил. Я кладу свой моток электрического шнура, оглядываясь назад, чтобы посмотреть на ее задницу, прикрытую Глорией Вандербильт, мягкую, полную, круглую. Приглашающая. Сжимаемая. Она просто обязана быть с ямочками. Я целовал ее лицо, когда мои руки обхватывали ее попу, приподнимая ее и.....

Она находит список, поворачивается ко мне. "Вот все они, здесь даже есть несколько мужских журналов, если хотите. Мне нужно продать по крайней мере два разных, так что". И тут ее взгляд останавливается на окне над моей скамейкой, обнаруживая мотылька в затененном углу.

Я киваю: "Журналы. Понял". Смотрю на ее лицо. Она смотрит вниз. Она облизывает губы, глубоко вдыхает. Зеленые глаза, как у кошки, обрамленные рыжими ресницами, встречаются с моим взглядом, теперь она поднимает голову вверх, намного выше, она не может быть намного выше пяти футов.

"Да. Мы получаем призы, если продаем достаточно. Говорят, мы ездим в поездки, бесплатно обедаем". Она покусывает нижнюю губу. "Много ходим, как мне кажется". Сказано лаконично, почти устало от мира. Странно, что поздний подросток так быстро стал таким язвительным, странно, что она продает журналы. Возможно, на ее счету несколько больше миль, чем я предполагаю. Возможно, некоторые из этих миль были неровными, блокировка ступиц, концы тротуара.

Ветер поднялся, донося звук переключений грузовиков на шоссе, рычание на перевале. Ворон каркает, а в нескольких домах ниже заводится газонокосилка.

Я беру список, немного увеличиваю громкость радио. Точка после - это хорошо. Этот момент неловкий. Повернувшись, я сажусь на табурет у своей скамейки, чтобы просмотреть этот потрепанный список публикаций, которые, вероятно, никогда не появятся. Вдруг она оказывается у моего плеча, очень близко, и до моего носа доносится запах мускуса. Затем намек на вздымающуюся грудь прижимается к моей руке, когда она наклоняется, указывая на подборки по садоводству. Моя рубашка износилась. Ее свитер не намного толще. Ее лицо находится на уровне дюйма от моего. Ее дыхание слегка мятное. Я забыл о списке или о ее руке, шуршащей по моей. Мы смотрим друг на друга, на расстоянии дюйма друг от друга.

"Вы, должно быть, очень много работаете, чтобы продавать эти журналы", - предложил я, пытаюсь сфокусироваться на ее лице на таком близком расстоянии.

Глаза распутницы, зеленый океан Ки-Ларго в двух милях от берега, где находится подводный парк. Перед началом глубокой синевы продолжайте выходить к тому месту, куда попал марлин, и вы шесть часов просидите в боевом кресле, приятели кричат ободряющие слова и передают вам ледяные банки "Буша". Позже, после высадки огромной твари, хлопнувшей хвостом по палубе, как гром, я спускаюсь под палубу, измученный и израненный, вспомнившаяся любовь моет меня в душе, а позже укладывает в постель вместе с ней.

Все мысли за одну наносекунду. Как это происходит? Они учат ее быть наглой, чтобы продавать журналы? Ее грудь действительно прижимается к моей руке, ее контур обрамлен тонкой тканью свитера.

Она что-то сказала, может быть, тихо, или я блуждаю мыслями. Звук газонокосилки то нарастает, то стихает. Обычно я не дурак, меня не околдовывают, просто переключаю передачу, пожалуйста, перестань набухать там, внизу, все мысли в сторону: "Простите, что вы сказали?".

"Вы увидели что-нибудь, что вам понравилось? Мне нужно продать как минимум две подписки с этой стороны, или три с другой. Нужно около двух месяцев, чтобы они начали приходить....". Пауза: "Можно мне воды? Не хочу вас беспокоить". Отойдя от неловкости, она улыбается, кладет список на полку надо мной, груди двигаются свободно, идеально. Смотрит, как я наблюдаю за ней, в глазах искрится веселье.

Поднимаюсь с табурета: "Не беспокойтесь. Позвольте мне взять ваш список здесь..." Меня зажало, ай. "Мы поднимемся в дом, и я найду нам что-нибудь". Наконец-то вспомнив свои манеры, я представился.

Она протягивает руку: "Я Гвендолин". Улыбка. "На самом деле просто Гвен". Она поворачивается к двери, чтобы уйти. Я подстраиваюсь, когда она поворачивается спиной, беру списки, и мы направляемся к дому. На тропинке стоит один клен, который уже покраснел. Он отражается в моем пруду кои в тот же момент, что и волосы Гвен. Я смотрю, как двигаются ее бедра, когда она идет впереди, одной рукой придерживая подол свитера. Дверь на крыльцо скрипит, когда мы проходим через нее, затем на кухню.

Она смотрит на полку с кастрюлями, все медные доньшки блестят от света мансардного окна. "Здесь только вы, то есть, я любопытная, извините". На ее скулах появляется легкий румянец, когда она прислоняется спиной к шкафу, опираясь локтями на стойку позади нее. Свитер становится совершенно очаровательным. Это все, что я могу сделать. Может ли она сказать? Ветерок треплет занавески на окне, шепчет ткань. Все остановилось. Я слышу звон ветра, прогрессирующий хор, тибетские гонги, такие глубокие, крики крапивников у кормушек. Какой сегодня день в моей жизни? Заходит кошка, зевая, потягиваясь, свежая из кабинета.

Я собираю остатки разума. "Кошка - это моя соседка. Она проверяет мою работу, но кроме этого, она не поднимает лапу, чтобы помочь здесь". Мы смеемся вместе, неловкость проходит, когда я достаю из посудомоечной машины несколько чистых стаканов. Моя кошка принимала похвалы, издавая воркующие звуки и почесывая подбородок, пока я доставала лед и воду из холодильника.

Она была согнута в талии, красивая груша, божественно очерченная, визуальный подарок.

Я знала еще одну, которая гладила кошку прямо там, на кухне. Как давно это было? Мой разум придумывает, ролик всплывает.

В моей памяти это была Карла. Последняя девушка, оставшаяся в пылком романе, который длился слишком долго. Она была девушкой выходного дня даже после того, как Мари ушла в последний раз. Я писал обо всем этом, это не секрет. В памяти всплывает картина сепии: кошка, прижавшаяся к груди Карлы, мурлыкающая, они обе смотрят на меня, когда мы лежим в кровати и слушаем дождь. Кошка всегда оставалась с нами на кровати, когда она была здесь.....

Я бросил кубики в стаканы, взглянул на "Гленливет" в кладовке, налил воды. "Давненько у Кэт не было компании девушек. В последнее время было как-то тихо". Я сделал паузу: "Похоже, вы прекрасно ладите".

Она взяла воду, кивнув. "У меня есть собака, гм, я думаю, у меня была собака. Они пришли за ним после того, как он укусил человека из службы доставки. Это было шесть месяцев назад?" Вздых. Ворота Митци скрипнули от ветра в соседней комнате, затем рев толпы по радио в сарае. Пропустила этот спектакль.

Она сосредоточилась на кошке, которая тут же расплзлась по ее ногам, вызвав девичье хихиканье. Наконец она выпрямилась: "Нужно сделать несколько продаж....Море домов, чтобы побеспокоиться, понимаешь?".

Я привык к ее присутствию в доме всего за эти пять минут или около того. Я совсем забыл о ее первоначальной цели, пока бродил в своих мыслях.

Я расправил ее список и начал делать отметки "X" на садоводческих вещах, даже добавил Southern Living, который я уже получаю. "Это может покрыть вам несколько домов. Моя чековая книжка в офисе, сейчас вернусь".

С недвижных губ сорвалось: "Пожалуйста, не уходи. Не сейчас. Ты молодая и красивая. Я уже дрыхлею, но я узнаю хорошую кобылку, когда вижу ее. Просто останься еще немного, вот и все".

<http://erolate.com/book/2397/61396>